

Поэзия русского футуризма / Сост. и подгот. текста В. Н. Альфонсова и С. Р. Красицкого, персональные справки-портреты и примеч. С. Р. Красицкого
OCR Бычков М. Н. mailto:bmn@lib.ru

СОДЕРЖАНИЕ

165. Пьянили рая ("Пьяниль рая, к легким светам...")
166. Тепло ("Вскрывай ореховый живот...")
167. Вокзал ("Мечом снопа опять разбуженный паук...")
168. Андрогин ("Ты вырастаешь из кратера...")
169. Лунные паводи ("Белей, любуйся из ковчега...")
170. Полдень ("Из двух цветочных половин...")
171. Предчувствие ("Расплещутся долгие стены...")
172. Аллея лир ("И вновь - излюбленные латы...")
173. Исполнение ("Прозрачны зной, сухи туки...")
174. Николаю Бурлюку. Сонет-акrostих ("Не тонким золотом Мирины...")
175. Дворцовая площадь ("Копыта в воздухе, и свод...")
176. Новая Голландия ("И молнии Петровой дрожи...")

Вхождению Бенедикта Константиновича (Наумовича) Лившица в группу "Гилея" предшествовали публикации отдельных его стихотворений в разных изданиях, в том числе в журнале "Аполлон", и выход в свет книги "Флейта Марсия" (Киев, 1911), не очень отличавшейся от многочисленных поэтических книг, возникших на стыке символизма и акмеизма, но получившей положительную оценку В. Брюсова и Н. Гумилева.

"В 1912, - вспоминает Лившиц, - в моих литературных взглядах происходит перелом, лично мне представляющийся результатом естественной эволюции, но моим тогдашним единомышленникам казавшийся ничем не оправданным разрывом со всем недавним окружением" {1}. Немаловажную роль в этом переломе сыграло знакомство Лившица с Д. Бурлюком.

В сборнике "Пощечина общественному вкусу" (М., 1913 [1912]) Лившиц поместил свои произведения, но манифест не подписал и позже резко критически его оценивал: "Я спал с Пушкиным под подушкой <...> - и сбрасывать его, вместе с Достоевским и Толстым, с "парохода современности" мне представлялось лицемерием. Особенно возмущал меня стиль манифеста, вернее, отсутствие всякого стиля..." {2}. Однако вскоре после своего футуристического дебюта он стал одним из самых активных участников группы кубофутуристов, проявляя себя не только как поэт, но и как теоретик: его статья "Освобождение слова" открывала альманах "Дождя луна". Вместе с другими будетлянами он попадает под обстрел критики. В. Брюсов осуждал Лившица за "_намеренную а_грамматичность" его прозаической миниатюры "Люди в пейзаже", вошедшей в "Пощечину общественному вкусу", при этом характеризуя его как писателя, "прекрасно владеющего и обычным, "правильным" языком" {3}. О "дешевой красотости" своего бывшего коллеги по "Аполлону" писал Гумилев {4}. Двойственность футуристической поэзии Лившица отмечалась критиками неоднократно. К. Чуковский писал: "...Напрасно насилив себя эстет и тайный парнасец г. Бенедикт Лившиц, совершенно случайно примкнувший к этой группе. Шел бы к г. Гумилеву! На что же ему, трудолюбцу, "принцип разрушенной конструкции"! Опьянение отличная вещь, но трезвый, притворившийся пьяным, оскорбляет и Аполлона и Бахуса!" {5}

Сам Лившиц оценивал этот свой период по-другому: "Во всех многочисленных, шумных, а зачастую скандальных <...> выступлениях "Гилей" я принимал неизменное участие, так как несмотря на все, что меня отделяло, например, от Крученых и Маяковского, мне с будетлянами было все-таки по пути" {6}. Но отделяло, как оказалось, многое. Крайностей футуризма Лившиц, в конечном счете, не принял. Его отход от группы был неизбежен, а начало мировой войны и призыв в действующую армию удостоверили этот разрыв.

Стихи Лившица футуристического периода составили книгу "Волчье солнце" (М. [Херсон], 1914). Следующая книга - "Болотная медуза" (не вышла; 9 стихотворений из нее составили сборник "Из топи блат", изданный в Киеве в 1922 году) - явилась, по словам Лившица, "естественным противодействием" - реакцией "на разрежение речевой массы, приведшее будетлян к созданию